

УДК 811.351.1; 811.367.6

ОСНОВНЫЕ (ОБЩЕГРАММАТИЧЕСКИЕ) ПАДЕЖИ В АНДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (В СРАВНЕНИИ С МАТЕРИАЛОМ АВАРСКОГО ЯЗЫКА)

М. А. Магомедов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Рассматриваются вопросы, связанные с проблемами падежного словоизменения андийского и аварского языков.

Issues related to the problems of case inflections of the Andi-Avar languages are discussed.

Ключевые слова: андийский язык; аварский язык; падеж.

Keywords: the Andi language; the Avar language; the case.

Общность морфологической структуры андийского и аварского языков обусловлена их генетической общностью, трансформации в сфере их выражения обусловлены довольно длительным периодом самостоятельного их развития. Эта общность прослеживается, естественно, как при исследовании категории падежа, так и при исследовании категории числа.

Система падежей андийского языка состоит из общеграмматических и локативных падежей. Основные падежи (их пять): именительный, эргативный, родительный, дательный и аффективный. Локативные падежи группируются в семь серий. Каждая серия включает (или должна включать в принципе) по три падежа: локатив (где?), алатив (куда?), элатив (откуда?), но II, IV–VI серии не имеют элативов (они совпадают с локативами). Падежные серии имеют следующие значения: I «на» (горизонтальная поверхность), II «на» (вертикальная поверхность), III «у», «около», IV «в» (во мн. ч.), V «под», VI «в», VII «в» (в ед. числе).

Именительный падеж. В андийском языке, как и в аварском, номинатив (=абсолютив) не маркирован. Принято говорить о нулевом окончании. Имя существительное в данном падеже совпадает с основой слова, т.е. при сопоставлении с формами других падежей форма номинатива имеет нулевое падежное окончание. По мнению К.Ш. Микаилова [1, с. 62], «при активном воздействии грузинского языка здесь (в аварском языке. – М.М.) развивалась тенденция к морфемной фиксации «номинатива», которая так и не получила своего логического завершения...». Нельзя сказать, что номинатив в аварском языке вообще не оформлен. Субстантивированные имена, местоимения и прилагательные имеют конечные показатели грамматических классов, которые при словоизменении не сохраняются. Если говорить об андийских (или об аваро-андийских, что в данном случае – одно и то же) языках, то, по мнению М.Е. Алексеева [2, с. 65], «как и для других дагестанских языков, для андийских характерно склонение по принципу двух основ: прямая основа имени совпадает с именительным падежом, остальные падежи образуются с помощью специальных аффиксов от косвенной основы». Видимо, не следует сбрасывать со счетов и формы типа аварских *вас – вас-ав* «мальчик», «сын», где прямая основа не совпадает с именительным падежом.

Эргативный падеж. В андийском языке, в отличие от аварского литературного языка, окончание эргатива одно – *-ди*. Оно различается фонетически по говорам (в аварском, как известно, в литературном языке три окончания эргатива *-сс*, *-лълъ*, *-цца*, которые по диалектам имеют больше разновидностей). После определенных согласных суффикс эргатива *-ди* в андийском претерпевает определенные фонетические изменения. Они связаны с тем, что в андийском имеются особые геминированные звонкие согласные *бб*, *гг*, *дд* (или *б*, *г*, *д*),

которые в специальной литературе получили название полуабруптивы, или преруптивы [3, с. 83].

Как отмечается в специальной литературе [3, с. 322; 4, с. 221], данные согласные являются самостоятельными звуками, членами соответствующих рядов по месту образования, но фонологический их статус или значимость вызывают сомнения, т.к. они в большинстве случаев являются вариантами негеминированных согласных, реализуемых в определенных позициях. Во-первых, в эргативе преруптив *д* в составе суффикса имеет место, если он оказывается после сильного латерального спиранта *лъль*: *лъльенлъль-ди* → *лъльенл-ди* → *лъльен-ди* «вода» [3, с. 84]. Во-вторых, преруптив *д* появляется перед латералом *л*: *йошкГильль-ди* → *йошкГил-ди* «женщина», *гьольль-и-ди* → *гьол-ди* «этот» (II-IV гр. кл.), в-третьих, данный согласный образуется и перед сильным спирантом *щ*, который является согласным элементом суффикса косвенной основы *щу-* (*у-* при этом выпадает): *гьекГа-щу-ди* → *гьекГа-щ-ди* «человек», *цЦе-щу-ди* → *цЦе-щ-ди* «гость», *къГванна-щу-ди* – *къГванна-щ-ди* «андиец», *ваццал-щу-ди* → *ваццал-щ-ди* «двоюродный брат» и др. В-четвертых, в некоторых комплексах согласных, образуемых на стыке морфем, происходят ассимиляционные процессы, когда второй согласный ассимилируется предшествующим, это приводит к образованию долгих сонорных [5, с. 314]; в частности, элемент суффикса эргатива *-д* (в личных местоимениях (гагат., мун., кванх.)): *ден «я»* – эрг. *ден-ни* ← *ден-ди*, *мен «ты»* – *мен-ни* ← *менди*. Особняком стоит рикванинский говор андийского языка, где в отличие от всех остальных говоров выпадает конечный гласный и суффикса эргатива *ди*: *иму-д* ← *иму-ди* «отец», *илу-д* ← *илу-ди* «мать». Как отмечает М.Е. Алексеев [2, с. 80], в андийских языках прослеживается функциональная общность эргативного падежа: во всех языках эргатив оформляет субъект переходного глагола, выражает инструментальное значение и обозначает причину.

Родительный падеж. Родительный падеж в андийском языке, в отличие от аварского, морфологически различает (в разных именах, естественно) во всех говорах

	два	
а) в именах I грамматического класса имеет место конечный классный показатель;	б)	показателя: <i>лГи</i>

(в рикванинском говоре, как и в случае *ди* → *д*, *лГи* → *лГ*).

Показатель родительного падежа *лГ*, по мнению Т.Е. Гудавы [6, с. 133], возможно связан генетически с показателем одной из серии локативов со значением «внутри (сплошной массы)». В аварском языке нет классного родительного. Во всех диалектах аварского языка он образуется при помощи суффикса *-л(-ул)*. Как известно, генетив личных и возвратных местоимений аварского языка образуется при помощи суффикса *-р*, который является, по мнению А.С. Чикобавы [7, с. 376 и сл.], окаменелым формантом бывшего IV грамматического класса. М.Е. Алексеев [2, с. 25] отмечает, что «классное изменение последнего (т.е. *-р*. – *М.М.*) оказывается невозможным соотносить с протоаварским состоянием: оно могло существовать лишь в более раннюю эпоху». Соотношение показателей генитива *л/р* М.Е. Алексеев [2, с. 25] объясняет через показатели множественного числа глагола (*р-уге-л* «сущие», «имеющиеся»), а переход *р* → *л* связывает с морфонологическими причинами: в причастиях прошедшего времени с суффиксом *ра-* – диссимилиацией, в причастиях будущего времени с суффиксом *-ле* – ассимиляцией с последующим перераспределением. Отсюда делается общий вывод о том, что показатели генитива *л* и *р* восходят к классной морфеме и что классные функции эта морфема утратила задолго до распада протоаварской системы. П.Т. Магомедова [8, с. 50] отмечает, что классный родительный был присущ именам всех грамматических классов, не только I грамматического класса с дальнейшей нивелировкой классных вариантов родительного падежа. На основе вывода Т.Е. Гудавы о локативном происхождении форманта генитива *лГи* М.Е. Алексеев [2, с. 80] отмечает, что источником для генитива на классный показатель послужила, в свою очередь, форма локализации «без показателей», выражающая нахождение внутри предмета. Он пишет: «Хотя на общеандийском уровне восстанавливать конечный классный показатель не представляется возможным, рассмотрение общеандийской падежной системы в целом позволяет обнаружить известный параллелизм в образовании локативных и абстрактных падежей: если генитив в обеих формах выступает как исторический локатив, то аллативом к одной из его

форм (классной) можно считать аффиктив. В итоге мы имеем, хотя и неполную, серию местных падежей: лок. -КП (> генитив) и алл. -КП-о (>аффиктив)» [2, с. 80].

В аварском языке нередки случаи лексикализации форм локатива III, которые ныне выполняют роль определений, что характерно только для форм генитива: *иххдалI* «весной» (ср. *иххда-л* «весной»), *рогъалилI* «под утро» (ср. род. п. *рогъали-л*), *нисулI ххинкIал* «хинкал с творогом» (ср. *нису-л ххинкIал* в том же значении), *гъой дилI йиго* «она за мной замужем» (буквально «она во мне есть») (ср. *гъойдир чIужу йиго* «она моя жена есть»).

Дательный падеж. В андийском языке формант датива различается по диалектам. Как отмечает И. Церцвадзе [3, с. 115], в андийском говоре окончание дательного падежа -й (*воццу-й* «брату», *йоццу-й* «сестра», *кIоту-й* «лошади» и т.д.). Такое же окончание дательного падежа имеется и в некоторых других говорах андийского языка. Но в гагатлинском, рикванинском и зилойском в дательном падеже вместо названного показателя -й представлен показатель -лъу (*воццу-лъу* «брату», *йоццу-лъу* «сестре», *ди-лъу* «мне», *ду-лъу* «тебе»). Факультативно в позиции перед спирантом ш в рикванинском говоре -лъу может переходить в -лу [3, с. 115]. В сноске отмечается, что отдельные представители рикванинского говора употребляют обе формы.

Соотношение показателей -й и -лу таково, что вряд ли приходится говорить об их едином происхождении. Как отмечает И.И. Церцвадзе [3, с. 115], из двух разных по говорам окончаний дательного падежа *й* связывается с аварским -е/и, *лъу* связывается с чамалинским, тиндинским *лъе*, годоберинским *лъи*. Датив на -й, по-видимому, соотносится с дативом хунзахского диалекта аварского языка, ср.: лит. *ди-й-е* «я», хунз. *ди-й*, лит. *ГIали-й-е* «Али», хунз. *ГIали-й* и т.д. По этому поводу М.Е. Алексеев [2, с. 83] пишет, что «аффикс датива в андийском и ботлихском – результат влияния аварского языка (возможно, и непосредственное заимствование)». В аварском (хунз. диалект) формант датива или -й, или и, ср.

лит.		хунз.
<i>ди-й-е</i>	«я»	<i>ди-й</i>
<i>ханасс-е</i>	«хан»	<i>ханасс-и</i>
<i>тIогъо-й-е</i>	«цветок»	<i>тIогъо-й</i>
<i>бацI-и-й-е</i>	«волк»	<i>бацI-и-й</i>

Если принять во внимание тот факт, что в хунзахском имеет место выпадение губной смычки в середине и конце слова, то в формах на -й можно предположить наличие таковой исторически, имея в виду такие соответствия как:

лит.		хунз.
<i>рокъо-в-е</i> (элат.)	«дом» (I гр. кл.)	<i>рокъо-й</i> (I-III кл. и мн. ч.)
<i>гъа-б-е</i> (пов.ф.)	«делать»	<i>гъа-й</i> (I-III кл. и мн. ч.)

Но датив от форм *вацц* «брат», *яцц* «сестра» и в некоторых других в аварском образуется не от основы номинатива, а от формы эргатива при помощи суффикса -е, ср.:

ном.	<i>вацц</i> «брат»	<i>яцц</i> «сестра»
эрг.	<i>вацц-асс</i>	<i>яцц-альлъ</i>
дат.	<i>вацц-асс-е</i>	<i>яцц-альлъ-е</i>

П.Т. Магомедова [8, с. 51] пишет, что «дательный и аффиктивный падежи в андийских языках настолько переплелись формой и значением, что при рассмотрении в историческом плане их было бы целесообразнее объединить. Но во многих языках эти два падежа уже дифференцированы, хотя один из них «заимствует» показатель другого...». Если в аварском языке датив по происхождению является направительным, то это утверждение, на наш взгляд, можно распространить и на андийский язык, где в гагатлинском, рикванинском и зилойском *лъ(у)*, а в собственно андийском, чанкойском и ашалинском (*й*) можно

интерпретировать как суффиксы направительного падежа, хотя в андийском, в отличие от аварского языка, нет прямого совпадения формантов датива и направительного (ср. *ясалълъ-е* (дат. п.) «девушка» – *шагъаралълъе* (алатив) андал. диалект «город»). Форма *шагъаралъе* сама по себе не является ни дативом, ни алативом и в зависимости от контекста может обозначать оба падежа:

1. *Дица шагъаралъе гГемераб хГалтГи гъабуна*
«Я городу (для города) (дат. п.) много работы выполнил».
2. *Дун шагъаралъе* (алатив) *ана*
«Я поехал в город».

Как отмечает П.Т. Магомедова [8, с. 53], «формант дательного падежа, имеющийся в ботлихском (*й*), в каратинском языке (*йа, ва*), в говорах сел. Анди, Чанхо, Ашали андийского языка (*й*), восходит к классному варианту дательного падежа. Что же касается второго варианта дательного падежа –*лъ(а)*, наличного ныне в говорах селений Гагатль, Риквани, Зило андийского языка и в токитинском диалекте каратинского языка, багвалинском (*ла, гъа, лъа*), годоберинском *лъи*, тиндинском, чамалинском, ахвахском (*лГ'а, лъа*), – он более позднего образования, чем классный вариант (разрядка наша. – М.М.), такая же картина как и в родительном падеже – общая тенденция отживания классного склонения и формирования собственно падежного форманта. Наличие двух показателей одного падежа не значит, что в своем формировании падеж имел сразу оба показателя. Это свидетельство того, что – продукт разных хронологических уровней».

То, что падеж имеет два показателя, – это обычное явление. Это характерно особенно для эргатива аварского языка. Относительно того, являются ли эти два показателя датива равнозначными в хронологическом отношении или они разного хронологического уровня, М.Е. Алексеев [2, с. 81] полагает, что «данное утверждение может считаться доказанным, во-первых, при условии определения хронологических рамок существования сопоставляемых, и, во-вторых, при выявлении тех средств, на базе которых возникла более поздняя форма... Решение подобного вопроса невозможно без учета относительной хронологии: тезис о первичности – вторичности той или иной формы практически теряет смысл, если отвлечься от этого аспекта рассматриваемого вопроса. В связи с этим наличие рефлекса форманта * –*лГа* почти во всех андийских языках говорит о несомненном праандийском характере этого показателя».

Как было сказано выше, в одних говорах андийского языка представлен показатель –*лъу* (рикв. иногда –*лу*), в других –*й*. Видимо, эти показатели разного происхождения. Как отмечает М.Е. Алексеев [2, с. 82], «характеристика ее (т.е. формы на –*й*. – М.М.) как «классной формы» условна... В андийском варианте –*й* является единственным, однако здесь отсутствуют и косвенные основы на согласный».

Аффективный падеж. Как отмечает И.И. Церцвадзе [3, с. 116], «окончание аффективного падежа –*о* представлено во всех говорах андийского языка». В данном языке сохраняется классное изменение аффектива (*воццо* «брат» – афф. *воццу-в-о, воццу-й-о, воццу-й-о, воццу-р-о*). Аффектив отражает класс прямого объекта:

<i>вошу-в-о гъилудоима</i>	«сын любит отца»
<i>вошу-й-о гъилудо ила</i>	«сын любит мать»
<i>вошу-богъилудо кГоту</i>	«сын любит лошадь»
<i>вошу-рогъилудоххуча</i>	«сын любит книгу» [3, с. 116].

Классный аффектив хорошо сохранился в андийском, гагатлинском и зилойском говорах. В мунинском и кванхидатльском говорах в именах I грамматического класса перед классным показателем представлен гласный *у* (*воццишу-во* «брат»), в именах других классов – гласный *и* (*яццилълъи-й-о* «сестра»). А.А. Бокарев [9, с. 46] отмечает, что в кванхидатлинском говоре классный показатель, в отличие от других говоров андийского языка, согласуется с классом самого

субъекта. Видимо, эти явления взаимосвязаны и взаимообусловлены. Наличие суффикса косвенной основы *-щу* подразумевает, что данное имя в аффиктиве должно иметь показатель I грамматического класса, и наличие суффикса косвенной основы *-лъльи* подразумевает, что данное имя в аффиктиве должно иметь показатель II грамматического класса.

В настоящее время в аффиктиве кванхидатльского и мунинского говоров представлены окаменевшие показатели грамматических классов. Это подтверждается примерами типа *Шамили-й-о*, *ПатГимати-й-о*, где, казалось бы, в зависимости от грамматического класса должны были быть представлены соответствующие показатели. «Классный показатель в форме аффиктива, – по мнению И.И. Церцвадзе [3, с. 116], – относится к реальному ближайшему («прямому») объекту глаголов, при которых этот падеж выступает в роли реального субъекта (при *verbasentiendi*: *имуво воци гьакъИдо* «отец брата видит», *имуйо йоци гьакъИдо* «отец сестру видит», *имубо кЮту гьакъИдо* «отец лошадь видит», *имуро гьакъЮу гьакъИдо* «отец дом видит») или в роли косвенного объекта (при каузативных глаголах: *илуди йошубо елло игъольбир* «мать заставляет дочь готовить (сделать еду)»). Как отмечает П.Т. Магомедова [8,

с. 56], «аффиктивный падеж образовался от локатива так же, как и дательный, но гораздо позже». М.Е. Алексеев [2, с. 83] полагает, что «здесь вопрос следует ставить более конкретно: существовал ли аффиктивный падеж на общеандийском уровне? Факты андийских языков позволяют ответить на этот вопрос положительно и реконструировать афф. * *-КП-о*». В аварском языке локатив на *-да* со значением «на, над» в непространственных значениях (при сочетании с глаголами чувственного восприятия и прямого физического воздействия, таких как *знать*, *видеть*, *слышать*, *бить*, *укусить*, *толкнуть* и т.д.) выполняет ту же функцию, что и аффиктивный падеж андийского языка (или андийских языков в целом, где он имеется), например: *дида лъала* «я знаю», *дирго бералда бихъана* «видел собственными глазами [букв. «собственным глазом»], *дида абулеб рагГана* «слышал, что говорили», *дида бицунаго бичГГана* «сразу понял» [букв. «начиная объяснять, понял»], *дида тункана* «толкнул меня», *дида къабана* «ударил меня» и т.д. Видимо, в аварском языке исконным можно рассматривать только локатив на *-тГа* с рефлексамми, тогда как нынешний локатив на *-да* является результатом переосмысления аффиктива в локатив сначала в сочетании с глаголами чувственного восприятия и прямого физического воздействия, позже – и со всеми глаголами для передачи пространственного значения.

То, что в сознании носителей андийских языков датив и аффиктив равнозначны, и то, что локатив I аварского языка в их понимании является аффиктивом, доказывает использование ими в аварской речи датива вместо локатива I. Например, носители андийских языков, разговаривая по-аварски, никогда не скажут *Гъосдида* (лок. I) *абуна* «Он мне сказал», скажут *Гъосдие* (дат. п.) *абуна* (букв. «Он мне сказал»). Это говорит о том, что локатив I с суффиксом *-да* в аварском языке исторически не являлся собственно локативным падежом, а был скорее, аффиктивом, после утраты своих функциональных особенностей выполняющим функции локатива со значением «на вертикальной поверхности». По этой причине существуют семантические различия форм на *-да* и *-тГа*, где *-да* передает значения на вертикальной поверхности (пространственные) и абстрактные, *-тГа* – только на горизонтальной поверхности (т.е. только пространственные). Как отмечает М.Е. Алексеев [2, с. 27], «что касается *-да*, то употребление этого показателя в большей или меньшей степени характерно для всех диалектов (аварского языка. – М.М.). Вместе с тем, как правило, этот формант является вариантом * *-лъГа*, что можно интерпретировать как следствие проникновения формы *-да* в диалекты в результате распространения литературной нормы. В поддержку подобной гипотезы говорит хотя бы закономерное распределение формантов *-да* и *-’а* в закательском диалекте: первый употребляется в словах I и II склонения, т.е. при косвенных основах на *-с-* (*<-с-*) и *-хъ-* (*<-лъ-*), второй – в словах «архаического» III склонения (ссылка на: Чеерчиев [10, с. 91]). Видимо, нужно иметь в виду и другую версию, согласно которой локативу на *-да* исторически отводится роль исконного показателя

наряду с показателем *-тГа* [2, с. 28]. Послелог *тГад* с его диалектными разновидностями в сочетании с падежными формами на *-да* в начале использовался для конкретизации пространственных отношений, а позже образовалась и слитная форма. Об этом пишут А.С. Чикобава и И.И. Церцвадзе [11, с. 153], отмечая происхождение форманта *-тГа* стяжением: *ганчИида тГад* «на камне» – *ганчИи(да) – тГа(д)*». В самом деле, в аварском языке имеет место не только наречие-послелог *тГад*, но и наречие-послелог *тГа* (например, в хунз. диалекте *тГа лъези* «положить сверху»), что подтверждает правильность данных выводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Михайлов К.Ш.* О маркированном субъективно-объективном падеже в аварском языке // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: тез. докл. IX регион. науч. сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1981. С. 62–64.
2. *Алексеев М.Е.* Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. 223 с.
3. *Церцвадзе И.И.* Андийский язык: Грамматический анализ с текстами. Тбилиси, 1965. (На груз. яз., рез. рус. яз.).
4. *Алексеев М.Е.* Андийский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999. С. 220–227.
5. *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М., 1987. 560 с.
6. *Гудава Т.Е.* Консонантизм андийских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1964. 222 с.
7. *Чикобава А.С.* К склонению местоимений аварского языка // Изв. ИЯИМК. Т. 12. Тбилиси, 1942. С. 31–50. (На груз. яз., рез. рус. яз.).
8. *Магомедова П.А.* Основные вопросы склонения в андийских языках в сравнительном аспекте // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979. С. 41–69.
9. *Бокарев А.А.* Очерк грамматики чамалинского языка. М.; Л., 1949. 175 с.
10. *Чеерчиев М.Ч.* Грамматические падежи имен существительных в закатальском диалекте аварского языка // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: тез. докл. IX регион. науч. сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1981. С. 90–91.
11. *Чикобава А.С., Церцвадзе И.И.* Аварский язык. Тбилиси, 1962. 422 с. (На груз. яз.).

*Поступила в редакцию 07.02.2013 г.
Принята к печати 18.12.2013 г.*